

Н.С. ТИМАШЕВ О БУДУЩЕМ РОССИИ*

Н.С. Тимашев принадлежит к категории лиц, жизнь которых протекала в эпоху глубоких социальных изменений и которые поняли смысл и значение этих изменений. Такие люди оставляют после себя наследство мысли и дела, которым в дальнейшем могут пользоваться целые поколения людей.

Таким человеком был Огюст Конт. Многие он известен как «отец социологии». Однако мало кто помнит ту социальную атмосферу, из которой возник его интерес к вопросам общественного развития. В середине прошлого века во Франции не было прочного общества. Нерушимые нормы прошлого, на которых покоились монархия, милитаризм, религиозная вера и организация, были почти отброшены в пользу новых, но неиспытанных еще путей либерального государства, городского общества и неограниченной веры в прогресс человечества. Но еще не были установлены конкретные взаимоотношения человека с человеком, основанные на уважении личности, а равно и взаимоотношения человека с учреждениями — в рамках прочного социального строя, при котором прогресс человечества был бы возможен. Конт хотел, чтобы созданная им наука была наукой об этих взаимоотношениях.

В таких же условиях быстрых социальных изменений жил в Англии Спенсер. Принесенная главным образом из Германии, новая система биологии Дарвина стала символом «эволюции» нового общества, возможного при конституционном образе правления, символом империи и исчезновения всех преград, ограничивающих неоримский универсализм, к которому вел, по-видимому, *Rex Britannica*. Чтобы все это понять, необходимо было оформить новую науку, новые знания, такое представление об обществе, которое не имело бы никаких связей с традицией, ибо принадлежало бы исключительно будущему.

Даже человек, столь независимый от национальных черт, как Эмиль Дюркгейм — «второй отец» социологии (во Франции), участвовал в этом новом порыве (*élan*). Еврей по происхождению, объездивший Германию и потом всю Европу, Эмиль Дюркгейм в своей концепции «коллективного сознания» и в диалектике его возникновения предвосхитил, без метафизики Гегеля, логику возникновения всемирного сознания и всемирного общества.

Понятия о мире, космология общества более или менее подразумеваются — если не выражены прямо — в трудах Макса Вебера в Германии, Вильфредо Парето в Италии, Лестера Уорда в Соединенных Штатах. По нашему убеждению, в социологии Тимашева вполне определенно выражена мирообъемлю-

* Печатается по изданию: **На темы русские и общие:** Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева / Под почетной редакцией проф. П.А. Сорокина; Под редакцией проф. Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк: Изд. общества друзей русской культуры, 1965. С. 44–54.

щая, космологическая точка зрения. Это видно из того, как складываются его жизнь и мышление, — на благо, в частности, свободной и развивающейся России. В настоящей статье дается лишь общая характеристика мыслей Тимашева на эти темы.

В марте 1948 г. проф. Тимашев напечатал в журнале «Thought» («Мысль») статью, озаглавленную «Россия и Европа». В ней Тимашев развивает идею о том, что Россия — часть европейской семьи народов, общей базой которых является христианская культура. В основных учреждениях и юридических формах у этих народов больше общего, чем разного и обособленного. Несмотря на все процессы, вызванные большевистской революцией 1917 г. и продолжающейся властью коммунистической партии над Россией, в системе основных ценностей русского народа перемен не произошло. Однако произошло уменьшение культурных различий между этой и другими частями цивилизации [1, р. 7–12].

Этот тезис есть нечто вроде главного лейт-мотива во многих тимашевских писаниях о жизни в России под властью коммунистической партии.

Его первые труды на эти темы были напечатаны уже в изгнании, в Германии и Чехословакии, в 1922–25 гг.* Статья «Судьбы культуры в Советской России (1917–1921)» звучит непреклонным обвинением и не допускает даже малейшей возможности культурного прогресса в России в условиях обмана и формального политического давления монополярной власти. Культура — явление творческое, она будет развиваться, но этот прогресс произойдет вопреки давлению, а не благодаря ему. Свидетельством этому является возвращение многих представителей интеллигенции к вере и церкви — тогда как ожидалось лишь проявление формального атеизма [2, с. 191–209; ср. 3, с. 135–154].

Большинство его соотечественников считало, что власть коммунизма быстро кончится. Тимашев не соглашался с этим, однако он не считал, что власть большевиков будет долговечной. По этой причине он много пишет о восстановлении свободной России, которая будет способна развиваться без внутренних или внешних давлений, согласно своим внутренним, ей одной свойственным возможностям. Две исключительно подробные статьи обсуждают будущность России без коммунистической власти или, по крайней мере, без господства характерного для нее исключительного догматизма на политической арене.

Статья «Центр и периферия в послереволюционной России» поднимает вопрос о том, как освобожденная Россия будет постепенно развиваться в объединенное государство, с рядом относительно автономных (может быть на федеративных началах) областей [4, с. 44–58; ср. 5, р. 83–89]. Этнографические особенности будут иметь большое значение в определении культурного, социального и политического облика этих областей [4, с. 44–58; ср. 5, р. 83–89]. Законодательные функции будут распределены пропорционально между этими областями и между областями и центральной государственной властью. Единственное, чего необходимо избежать — и что более всего ценится коммунистической партией, — это монополии власти.

* Эти труды существуют пока только по-русски. Автор статьи приносит глубокую благодарность г-же Т.Н. Бобринской и через нее проф. Мичиганского ун-та Н.П. Полторацкому за основательную работу по обзору этих текстов.

В этой статье Тимашев касается также того, как в будущей России могли бы функционировать правительственные органы, ведающие внешней политикой, армией, финансами, почтой и телеграфом, железными дорогами и транспортом вообще, судебными учреждениями по гражданским и уголовным делам. Но только в 1925 г., в статье, озаглавленной «Советская конституция и ее значение для послереволюционной России», впервые появляется мысль о новом свободном будущем для России в юридически четко оформленном виде [6, с. 42–46].

Советская конституция от 6 июня 1923 г. принадлежит к категории конституций провозглашенных, но не действующих, — ввиду того, что основой советского строя является воля партии, а не воля народа. Однако в этой конституции есть не только подавляющие свободу начала, которые необходимо отбросить, но и несколько принципов, которые легко можно было бы применить в свободном обществе. Шесть принципов являются основными.

1. **Классовый принцип**, по которому граждане делятся на несколько правовых категорий в соответствии со степенью их политической активности (или пассивности). Этот принцип несовместим со свободой, и его необходимо отбросить.

2. **Группировка избирателей по «производственным единицам»** напоминает замысел старого гильдейского социализма. Этот принцип не переживет превращения права голосования во всеобщее избирательное право, неминусового раскрепощения и либерализации профсоюзов, и возрастающей роли крестьянства и сельских элементов в обновленной стране.

3. **Группировка избирателей по этнографическому или национальному признаку** согласуется с политикой федерализма и может остаться в силе, если области будут создаваться на этнографической основе. Однако этнографический или национальный принцип не может быть единственным принципом политического дробления. Некоторые территории настолько велики, что их необходимо будет делить на ином основании, чем национальное.

4. **Принцип построения государства снизу вверх** соответствует аксиоме «вся власть сосредоточена на местах». Местное самоуправление крайне необходимо для России будущего. При федеративном устройстве государства общегосударственный парламент мог бы базироваться на парламентах государств-членов, а последние — на органах земского и городского самоуправления.

5. **Полное отсутствие разделения власти**, столь характерное для режима коммунистической партии, должно быть всецело отброшено в будущей России.

6. **Директориальный характер правительственной власти** должен быть принят. В поисках того, что явится наиболее подходящим для России, необходимо будет учесть не только неудачный опыт парламентаризма, но и опыт дуалистических республик типа США и коллегияльных республик типа Швейцарии.

Конституция 1923 г. может принести пользу России главным образом в двух отношениях: в осуществлении зачатков федерализма и в отказе от новейших «догм» прямых выборов и парламентаризма.

После 1925 г. нет больше работ о России, вне ее связи с коммунистической партией. Однако твердо высказывается предположение о России, развивающей свои внутренние силы вопреки давлению монопольного правительства. Появляются кооперативы, хотя конституция 1923 г. их не предусматривает [7, с. 172–182]. Сельские реформы проводятся в соответствии с принципами, установленными еще в 1861 г., когда заколебалось старое феодальное общество. То же

случилось и с крестьянскими восстаниями. И хотя коммунистическая партия произвела некоторый передел земли и частично облегчила трения между землевладельцами и крестьянами, неравенство все же появилось, — вследствие неравного распределения населения и недостаточной производительности крестьянства, результатом чего стал голод. С введением политики НЭПа урожаи продолжали быть недостаточными, и этому сопутствовало социальное расслоение крестьян. Попытки партии коллективизировать крестьян удалась во многих отношениях, кроме одного: они не повлияли на свободный приток продуктов и не предотвратили пассивного сопротивления крестьян [8, р. 10–28].

Возможно, что не существует более основного социального явления, чем изменения в народонаселении, будь то прирост или убавление. Способность России динамически связывать свое население с переменами в ее внутреннем развитии, без помощи или помехи, оказываемых путем формального политического давления партии, обсуждается в четырех основательных трудах, опубликованных в течение 30 лет [9, с. 182–193; ср. 10, р. 303–313; 11, р. 148–155; 12]. Давление, оказываемое населением в России, является во многом частью социального возрождения России, как это было или есть в большинстве европейских стран. Политическая идеология представляется связанной с изменениями в населении, скорее, пост-фактум, а не анте-фактум. Как и вся Европа, Россия проходит через напряженное состояние, которое сопутствует росту населения. В таких случаях логично, что появляется и политическое напряжение.

Тимашев признает, что Россия запаздывала (отставала) в своем развитии. Но Россия никогда не стояла на месте [13, р. 287–302]. И коммунистическая партия не породила великого движения вперед. В действительности, прогресс мог бы быть гораздо более быстрым при иных (чем тоталитарное политическое давление) условиях. Развитие права в России шло по этому иному пути [14, р. 1–13; 15, р. 182–189; 16, р. 233–240], равно как и рост грамотности и развитие учебных заведений [17, р. 80–88; 18, р. 20–25], изменения в строении общества сверху вниз [19, р. 9–21], определение и лечение преступности малолетних [20, р. 126–128].

Во время и после второй мировой войны стали появляться новые имена, темы и вопросы, но основная тема остается все же прежней: партия господствует, но сама Россия продолжает медленно продвигаться вперед, занимая свое место — значительность которого все время увеличивается — среди государств мира.

Новые имена появляются после смерти Сталина; происходит жестокая борьба за то, чтобы установить, кто будет его преемником в этой одинаково важной и опасной должности. События этого времени в слабой степени повторяют события первых лет после 1917 г. [21, р. 475–477; ср. 22, с. 222–229] Тимашев разрабатывает ряд новых вопросов, — таких, как «Московский Собор и Русская Православная Церковь в Америке» [23] или «коллективная безопасность», с признанием наличия «хорошего» и «плохого» типов капитализма, из которых первый прямо ведет к коммунизму. Но эти новые вопросы являются самыми значительными для дальнейшего развития темы Тимашева.

В результате давлений, связанных с военными усилиями, коммунизм не вернулся более к своему довоенному образу в России [24, р. 37–54]. Вторая

мировая война была «Второй Отечественной войной», — в то время как «Первая Отечественная война» велась в 1812 г. Первая победила Наполеона, вторая — Гитлера. В обоих случаях Россия боролась против завоевания мира. В России вновь возникает почитание исторических героев и мест. Марксистская диалектика становится диалектикой исторической борьбы России против ее врагов и всех врагов свободы [25, р. 426–431]. Революция 1917 г. теперь завершилась* возвращением на национальные и традиционные пути [26, с. 190–203]. Энтузиазм к внутренним реформам, столь характерный для революции 1917 г., в значительной степени уменьшается [27, р. 149–151]. Вновь появляются — при значительно более сильной деспотической агрессивности — цели, которые были целями России в 1830 г.

Приведет ли эта новая деспотическая агрессивность к войне? На горизонте много черных туч. Но война не кажется вероятной. Однако война может вспыхнуть при трех условиях: 1) дальнейшие успехи коммунистов в Европе и (или) Азии и рост советских достижений в промышленности могут привести к агрессии со стороны США; 2) понижение американского военного потенциала может придать Кремлю больше смелости; 3) случайность: одна из сторон может неправильно рассчитать силу и намерения другой. Из этих трех возможностей, пожалуй, более всего надо опасаться второй [28, р. 394–411].

Отношение Тимашева к вопросу о том, что будет — война или мир, выражено весьма отчетливо в некоторых из его новейших трудов. В 1958 г. он пишет о двух *идеологиях*, одновременно существующих в России [29, с. 209–221]. Есть официальная идеология, содержание которой не изменилось с того времени, когда она была сформулирована Лениным на основе трудов Маркса: национализация орудий производства и окончательная победа коммунизма во всем мире — вот основы этой идеологии. Ведущая роль партии как наиболее «сознательного и просвещенного» элемента населения — дополнительный основной принцип, введенный Сталиным.

Но в отдельных частях этой официальной идеологии произошло много перемен, даже в течение долгого сталинского режима. «Механический материализм» был заменен «диалектическим материализмом». Безликий процесс эволюции был заменен теорией громадного влияния великих людей. Сталин пользовался этой идеей, чтобы ввести целую серию новых идей и, в особенности, чтобы перекроить интернациональный коммунизм в национальный. После смерти Сталина эта официальная идеология опять была приспособлена — на этот раз к новой концепции некоего «коллективного» руководства. Несколько лет спустя быстрое возвышение Хрущева породило новую доктрину: возможность всемирной победы коммунизма без мировой войны (возврат к Марксу, в обход Ленина).

В СССР существует и другая идеология, но не официально. Хотя она никогда не формулировалась, ее можно вывести из косвенных сведений о главных пунктах недовольства, равно как и из очернения Сталина. Первый пункт этой идеологии есть неприятие коллективизации. Вторым ее пунктом есть желание вернуться к системе частной инициативы и промышленности — хотя бы на уровне легкой промышленности. Третий пункт — это требование личной свободы для каждого человека. Последние два пункта особенно важны для тех людей,

* Тимашев считает, что будущие историки годами русской революции назовут годы 1917–1940.

которые имеют близкое отношение к искусству, науке и религии в России.

Эта весьма примитивная идеология не может быть использована в пропаганде коммунистической партии, хотя она очень прочно и глубоко заложена в русском народе. Случись так, что партия вдруг неожиданно исчезнет, эта вторая идеология быстро оформится и выступит на поверхность народного сознания.

Этот идеологический конфликт действительно происходит в России. Первая идеология тесно связана с общественным положением и рангом в партии; вторая — с возникновением передового, городского, индустриализованного и свободного русского общества в XX веке [30, р. 224–238]. Утверждение «старой» официальной идеологии укрепляет власть советских правителей (особенно в глазах внешнего мира). Более новая (нео-капиталистическая) идеология имеет большое значение в качестве политической силы, пользующейся большой внутренней поддержкой. Даже в научных кругах эта дилемма не обсуждается из боязни, чтобы эту потенциальную идеологию не назвали «буржуазной». Но раз коммунистический Китай не следует политике отказа от насилия и может стать большей угрозой авторитету партии, чем любая иная внешняя сила, возможно, что даже страх «клейма» будет преодолен [31, р. 224–254].

Тимашев посвятил действительно очень много времени анализу изменений в социальных системах западного мира, в особенности с точки зрения их собственной внутренней динамики и значения [32]. В отличие от классиков-теоретиков, для ознакомления с трудами которых он так много сделал в среде американских ученых, Тимашев разработал логику событий, политических систем, права, народонаселения и национальных ценностей — в определенной социологической перспективе и при помощи методов, которые еще лишь предстоит по-настоящему оценить*.

Хотя его профессиональная жизнь уже дольше жизни целого поколения, еще не существует серьезных трудов «о Тимашеве». Будем очень надеяться, что в его юбилейный год эти строки помогут ознаменовать начало национального и международного признания достижений и заслуг Тимашева.

Литература

1. Russia and Europe // Thought. 1948. Vol. 23. №. 88. March.
2. Судьбы культуры в Советской России (1917-1921 гг.) // Русская мысль. [Прага.] 1922. Кн. 3–4.
3. Советы и коммунистическая партия // Русская мысль. [Прага.] 1922. Кн. 5.
4. Центр и места в послереволюционной России: (К проблеме федеративного устройства России) // Крестьянская Россия. Кн. 5–6. Прага, 1923.

* См. труды Н. С. Тимашева: 1) The Great retreat (Великое отступление). N. Y.: E.P. Dutton and Co., 1946. Этот труд, вышедший в переводах на португальский, шведский и китайский языки, дает обобщающий анализ событий, происходивших в России под игом коммунизма, вплоть до второй мировой войны; 2) Three Worlds (Три мира). Milwaukee: Bruce Publishing Co., 1946. Эта книга представляет собой всеохватывающий разбор либерального, коммунистического и фашистского обществ с точки зрения их политических идеалов и систем; 3) An Introduction to the Sociology of Law (Введение в социологию права). Cambridge: Harvard University Press, 1939. Эта книга — переведенная на французский и японский языки — как бы резюмирует огромное количество трудов, написанных Тимашевым по этому вопросу. В скором будущем будет напечатан его новый обстоятельный труд о социологии права.

5. Inter-ethnic Relations in the USSR // *American Catholic Sociological Review*. 1944. Vol. 5. № 2. June.
6. Советская конституция и ее значение для послереволюционной России // *Своими путями*. 1925. Кн. 6-7.
7. Основы правового строения советской кооперации // *Русский экономический сборник*. 1927. Кн. 10.
8. Structural Changes in Rural Russia // *Rural Sociology*. 1937. Vol. 2. № 1.
9. Крестьянство и советы: (По данным выборов 1922 г.) // *Крестьянская Россия*. Кн. 8-9. Прага, 1924.
10. The Population of Russia // *Rural Sociology*. 1940. Vol. 5. № 3.
11. The Postwar Population of the Soviet Union // *American Journal of Sociology*. 1948. Vol. 54. № 2.
12. Сталинский террор и перепись 1959 г. // *Новый журнал*. [Нью-Йорк.] 1961. № 65.
13. On the Russian Revolution: Was Stagnation its Cause? // *Review of Politics*. 1942. Vol. 4. № 3.
14. The Crisis in the Marxian Theory of Law // *New York University Law Quarterly Review*. 1939. Ser. 2. № 1.
15. Is Soviet Law a Challenge to American Law? // *Fordham Law Review*. 1950. Vol. 19. № 2.
16. Soviet Jurisprudence Since Wbrld War II // *Russian Review*. 1952. Vol. 12.
17. Overcoming Illiteracy: Public Education in Russia, 1880-1940 // *Russian Review*. 1942. Vol. 2.
18. Soviet Education's New Look // *Current History*. 1956. January.
19. Vertical Social Mobility in Communist Society // *American Journal of Sociology*. 1944. Vol. 50. № 1.
20. Juvenile Delinquency, the Family, the Courts in the Soviet Union // *American Journal of Sociology*. 1937. Vol. 43. № 1.
21. Russia: Triumvirate and Power Struggle // *America*. 1953. Vol. 89. August.
22. Очернение Сталина // *Новый журнал*. [Нью-Йорк.] 1956. № 45.
23. The Moscow Council and the Russian Orthodox Church in America // *Russian Orthodox Journal*. 1945. Vol. 19. № 3.
24. Four Phases of Russian Internationalism // *Thought*. 1945. Vol. 20. № 76.
25. What Does this War Means to Russia? // *Current History*. 1945. May.
26. Пути послевоенной России // *Новый журнал*. [Нью-Йорк.] 1949. № 22.
27. Red Revolution after thirty-five Years // *America*. 1952. Vol. 88. № 6. November.
28. War or Peace? // *Thought*. 1950. Vol. 25. № 98. September.
29. Две идеологии: (Мысли о современном положении в России) // *Новый журнал*. [Нью-Йорк.] 1958. № 53. Автор глубоко признателен брату Н.С. Тимашева проф. Лавальского ун-та (Канада) А.С. Тимашеву за подробное резюме этой статьи.
30. Urbanization, Operation Antireligion and the Decline of Religion in the USSR // *American Slavonic and East European Review*. 1955. April.
31. Soviet Ideology for the 1960's // *Current History*. 1962. Vol. 43. October.
32. Timasheff N. *Sociological Theory, Its Nature and Growth*. N. Y.: Doubleday & Co., 1955. Этот труд признан одним из классических в этой области.